

Стругацкие – это наше всё

15 апреля 2008 г. известному писателю-фантасту Борису Стругацкому исполнилось 75 лет. Творчество братьев Стругацких – это не только важная глава в истории советской и российской литературы, их романы и повести оказали серьезное влияние на решение многих молодых людей связать всю свою жизнь с наукой, заразили энтузиазмом и жаждой открытий. Мы попросили ряд ведущих российских ученых высказаться на тему «Книги Стругацких в моей жизни», ответив на вопросы: «Повлияли ли на Вас их книги? Каким образом?». Публикуем подборку поступивших откликов.

Книги Стругацких надо очень внимательно читать

[Александр Филиппов](#), социолог, д.соц.н., ординарный профессор ГУ-ВШЭ, зав. кафедрой практической философии, руководитель Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ГУ-ВШЭ:

Книги Стругацких повлияли на меня очень сильно. Долгие годы я был под их очарованием, потом прежнее очарование ушло, а вот особый, научный интерес к ним нарастает с каждым годом. Я думаю, что книги Стругацких надо очень внимательно читать. Правда, с соблюдением двух условий. Во-первых, не придавать исключительного значения всем их опытам самоинтерпретации, потому что автор не имеет преимуществ перед читателем в части истолкования, и, во-вторых, не считать, будто намеки на ужасы советской власти делают их книги важнее или понятнее. Они важны и понятны безо всякого отношения к советской власти.

Хотелось бы, чтобы демократические взгляды Стругацких были не менее популярны, чем их книги

Анатолий Вершик, математик, д.физ-мат.н., зав. лабораторией Санкт-Петербургского отделения Математического института им. В.А. Стеклова РАН:

Вместе с Б. Стругацким мы были в уже не существующем, к сожалению, общественно-политическом клубе «Ленинградская трибуна», с самого момента его основания, и я не сомневаюсь, что найдутся молодые люди, которые, подхватят идеи этого общественного объединения.

Я небольшой любитель даже самой первоклассной научно-фантастики, к которой, безусловно, можно отнести творчество братьев Стругацких, но для меня очевидна прямая связь между общей публицистической и просветительской направленностью романов Стругацких и их активностью в перестроечное время и позже. Хотелось бы, чтобы демократические взгляды и высоко-интеллектуальная позиция таких людей, как Стругацкие были бы не менее популярны среди россиян, чем их книги.

Равнение на прогрессоров

Лев Клейн, археолог, историк, антрополог, д.истор.н., один из основателей Европейского университета в Санкт-Петербурге:

Вопрос о месте Стругацких в жизни любого интеллигента позднесоветского времени закономерен, думаю – можно спросить любого. Больше всего на меня произвел впечатление роман «Трудно быть богом» – о полете прогрессоров в мир, где средневековье в апогее. С болью и счастьем узнавания я воспринимал его как описание нашей жизни. По таланту соизмеримо с Джорджем Оруэллом, но так живо, так смачно описать в деталях этот мир можно было только изнутри его – это могли сделать только российские люди. А философия и опыт прогрессоров были предостережением нашим радикалам демократии.

Когда я был в лагере, я ввязался в подготовку бунта самых униженных заключенных против «черной масти» – высших воров. Бунт разыгрался уже после моего выхода на свободу и был кроваво подавлен. Я упомянул этот эпизод в своей книге (под псевдонимом Л. Самойлов) «Перевернутый мир». Читатели слали мне много писем. В их числе было письмо от профессора-биофизика из Ленинграда. Он упрекнул меня в том, что я презрел мудрость прогрессора – помогать людям, тянущимся к прогрессу, но воздерживаться от вмешательства, кардинально нарушающего естественный ход событий – это и привело к крови.

Идея прогрессоров проявилась и дальше в моей жизни. Я привел ее в полемике с западными археологами-релятивистами. Они не нашли, что возразить населению отсталых регионов, запрещающему раскопки палеолитических погребений, поскольку это, де, надругательство над предками. Мол, и эти люди по-своему правы. Я же стоял за разъяснение им истины. Свою полемическую статью я назвал «Трудно быть богом». В то же время я выпустил и свою автобиографическую книгу «Перевернутый мир» – об уголовном мире лагерей и его разительным сходстве с первобытным обществом (об этом и Лихачев писал).

В Москве один из моих коллег сострил на мой счет – объявил в кругу археологов: Клейн написал автобиографическую книгу «Трудно быть богом». Через десятилетия мне довелось и в самом деле писать мемуары. Друзья подговаривали меня так и назвать их: в интернете кто-то даже снабдил меня эпитетом «бог археологии». Но я назвал их «Трудно быть Клейном». Скоро книга должна выйти в свет. Таким образом, я ловлю себя на том, что всё время выверяю свою жизнь по миру, сотворенному Стругацкими.

Книги Стругацких предлагали модель жизни, которой хотелось следовать

Михаил Фейгельман, физик, д.физ-мат.н., зам. директора Института теоретической физики им. Л.Д. Ландау, профессор МФТИ:

Книги АБС несомненно повлияли на меня, и сильно. Их книги предлагали модель жизни, которой хотелось следовать – например, герои «Понедельник начинается в субботу» точно повлияли на последующий стиль жизни и мой, и многих других тогдашних (конец 60-х гг.) «научных работников младшего возраста» – и надолго. Полузапрещенные «Улитка на склоне», «Гадкие лебеди», «Сказка о Тройке», которые мы читали в самиздатских машинописных листках или фотокопиях – помогали понять, что это за мир вокруг нас, и каким образом в нем можно жить, не теряя человеческого достоинства.

Была издававшаяся диссидентским движением «Хроника текущих событий» – за нее сажали, и держали её в руках немногие, а были эти книги – почти безопасные для читателей – которые делали то же самое: учили гражданскому сопротивлению окружающему маразму, да и просто мысли о том, что такое сопротивление возможно. Сильно подозреваю, что стиль воспитания собственных детей (они уже давно взрослые) сложился у нас в семье не без влияний «Гадких лебедей». Вроде, результаты этого воспитания всем участникам понравились.

То, что книги АБС – вовсе никакая не «фантастика» – мне было очевидно, кажется, уже лет в 15-16. Менее тривиально другое: перечитав недавно некоторые из них, обнаруживаешь, что они совершенно не устарели, скорее – стали еще актуальнее. «Обитаемый остров» например, с башнями-излучателями, вечной войной в «провинциях» и прочими узнаваемыми атрибутами сегодняшней жизни. «Когда торжествует серость, к власти всегда приходят черные» – это предсказание из романа «Трудно быть богом»...

Влияние Стругацких исключительно велико и ценно

Андрей Алексеев, социолог, к.философ.н., ведущий научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург):

С Б. Стругацким мы вроде бы ходили в одну секцию по спортивной гимнастике на кафедре физкультуры Ленинградского государственного университета, больше полувека назад. С тех пор не общались (да и тогдашнего общения я не помню, он – тем более). А влияние братьев Стругацких, их творчества, их «миров» на ровесников (к каковым я отношусь) и младших – небось, уже с полдюжины поколений, исключительно велико и ценно. ...А еще дорого мне, что Борис Стругацкий – из тех «последних могикан», чьему сегодняшнему видению и пониманию нашего мира я, безусловно, доверяю и полностью с ним идентифицирован.

Это не научная фантастика, а реализм самой высшей, оруэлловской, пробы

Николай Каверин, вирусолог, д.мед.н., профессор, академик РАМН:

Первым произведением братьев Стругацких, которое я прочел, была повесть «Путь на Амальтею». Повесть мне понравилась. Но не более того. Хорошая научно-фантастическая проза. Будущие вершины творчества Стругацких в повести не угадывались. Во всяком случае, я ничего такого особенного в этой повести не увидел. Хорошо пишут ребята, занимательно, приятно читать. Но все-таки я их запомнил, и в последующие годы читал, старался не пропускать. И всё сильнее удивлялся. Ребята оказались не простые.

«Хищные вещи века», «Попытка к бегству» – это уже не о технических достижениях будущего и не о мужестве покорителей космических трасс. Это о нас! Зеки в рубашках из мешковины в «Попытке к бегству» – это наши отцы и деды. А «интели» в «Хищных вещах века» – это просто мы! Было удивительно, что все это допускается печатать. А уж «Обитаемый остров» просто поверг меня в изумление.

Страной на планете Саракш правит небольшая группа политиков. Население страны питает к ним самые теплые чувства, которые поддерживаются особым психическим полем, распространяемым с помощью мощных излучателей, расположенных на башнях, сеть которых покрывает всю страну. Это же излучение поддерживает в людях лютую ненависть к врагам, внешним и внутренним. Но есть особая категория людей, выродки-диссиденты, на которых поле не действует. У них от этого психического воздействия только голова болит, и никакого идеологического эффекта. В конце книги оказывается, что Центр, откуда и распространяется это поле – это Центральное телевидение. А тесная группа

правителей называется «неизвестные отцы». Они люто грызутся друг с другом, но внешне сохраняют товарищеские отношения, и даже именуют друг друга прозвищами – Странник, Пузырь и тому подобное. И все это напечатано в советском журнале! Не «тамиздат»!

Дальше – больше. В отдельном издании «неизвестные отцы» журнального варианта были заменены «огненными творцами». Это явно была не авторская, а редакторская правка. Значит, редактор понимал, какую реальность описали авторы! Как же так – понимают, а печатают! В довершение, мне кто-то сказал, что у членов Политбюро принято давать друг другу прозвища. Демичева, например, называли Химиком. Интересно, кого называли Пузырем?

Словом, оказалось, что Стругацкие – это не научная фантастика, а реализм самой высшей, оруэлловской, пробы. Только у Стругацких тоталитарный мир – не одноцветно-безнадежный, как у Оруэлла, а яркий, полный внутреннего напряжения, борьбы и надежды. Даже если всё затянуто тучами, и всегда идет дождь, как в «Гадких лебедях» – вырастают дети, и тучи рассеиваются, дождь кончается. В нашей реальной жизни дождь еще моросит, хотя одно время можно было думать, что он кончился. Нет, снова заморосил. Но это уже далеко не та стена воды, которая обрушивалась на нас раньше. Моросит, но извиняется, и даже пытается прикинуться хорошей погодой. Скоро закончится.

Виртуальные путешествия братьев Стругацких

[Михаил Черныш](#), социолог, д.соц.н., заведующий Сектором социальной мобильности Института социологии РАН:

На людей моего поколения Стругацкие влияли и продолжают влиять, их фантастическая проза была и есть повод для рефлексии. Мы шли вместе с ними или вслед за ними, каждая их повесть или роман оставались в памяти, детали, идеи и образы возвращались, по-разному прочитывались и будут прочитываться в разные периоды нашей новейшей истории. От коммунистической утопии, талантливо воссозданной в «Стране багровых туч», «Возвращении», от социальных грез коммунистического завтра, которое в какой-то момент казалось не таким уже далеким, к непростым размышлениям о том, что есть общество и каковы пределы, положенные ему культурой и традициями в повести «Трудно быть богом».

Последняя вещь представляется мне особенно интересной. В ней остро ставится очень современный вопрос: можно ли, используя насилие, пусть даже облагороженное высоким помыслом, вывести людей к свободе, заставить их мыслить и говорить на другом языке, оперировать другими, не выношенными традицией понятиями? И можно ли перешагнуть через фазы исторического развития – от средневековья к обществу просвещения? Коммунистическое завтра отдалялось за горизонт, но не происками ведомых или неведомых врагов, а упорством культуры, проявляемой в каждодневных, постоянных взаимодействиях между людьми. Оказалось – и это явно, хотя и непрямо сказано у Стругацких – что общество невозможно строить по образцам, что в нем есть непроявленный несущий каркас, который будет сопротивляться тем больше, чем больше оказываемое на него давление.

Эта вещь была написана в 1963 году, когда Советский Союз вкладывал ресурсы, материальные и человеческие, в строительство «островов свободы» в Азии, Африке, Латинской Америке, когда люди, далекие от совершенства, брали на себя роль «прогрессоров», преобразующих несовершенные миры по образцам, заданным утопией. Последней войной советских «прогрессоров» стал Афганистан, где поныне, словно в зоне, неподвластной разумной силе, ржавеют остовы разбитых танков и бронемашин. Советское «прогрессорство» потерпело крах, но прогрессорство как таковое не умерло. Война Руматы Эсторского, посланца далеких миров, против варварства, насилия, косности, продолжается в Ираке, Афганистане, на Кавказе. Новые «прогрессоры» стремятся привести народы, не ведающие плодов свободы, к общим идеалам развития, но также, как и прогрессоры прошлого, они все ближе к горькому осознанию тщетности своих усилий.

И вот еще важное наблюдение Стругацких: война прогрессоров против варваров, имеет следствием варваризацию самих «цивилизаторов»: *«Румата вдруг поймал себя на мысли о том, что оскорбительные словечки и небрежные жесты получают у него рефлекторно, что он уже не играет высокородного хама, а в значительной степени стал им. Он представил себя таким на Земле, и ему стало мерзко и стыдно. Почему? Что со мной произошло? Куда исчезло воспитание и взлелеянное с детства уважение и доверие к себе подобным, к человеку, к замечательному существу, называемому «человек?»*». Так что же делать? Не вмешиваться? Позволить кровавым тиранам угнетать народы, попираять закон или все же вмешаться, наказать их, показав миру мощь карающей десницы цивилизованного мира? У Стругацких нет ответа на этот вопрос. Румата-Антон отозван на землю, выведен за рамки эксперимента, на сам эксперимент не отменен, не приостановлен. Его промежуточный результат лишь очередной повод для острой дискуссии о «естественном» и «искусственном» в такой тонкой области как культура.

Чем дальше Стругацкие уходили от идей социального конструирования, тем более критично вглядывались они в то, что должно было сделаться материалом подобного строительства – природу человека. Романы «Пикник на обочине», «Сказка о тройке» наполнены скепсисом.

Путь Сталкера в сказочную зону, где исполняются желания, – это дорога самопознания с печальным исходом. Вернуть себя в жизнь он может, только принося в жертву другого человека. Тарковский взял идею Стругацких, превратив поход трех людей в зону в путешествие, в конце которого их ждет встреча с Богом. Метафора человеческой жизни, в конце которой каждого ждет randevu с вечностью. От веры в человека к социальному и историческому пессимизму, от веры в человека к более критичному восприятию темных сторон его натуры, от романтики к реализму – такой представляется мне история Стругацких, отразившаяся в их повестях и рассказах.

На мой взгляд, есть надежда, что новое поколение читателей романов Стругацких соединит конец и начало, реализм и романтику, что оно не утратит веры в человека, даже осознавая изъяны его природы. Мой сын прочитал всё, что написано Стругацкими, это – его любимая литература. Для него «Стажеры» и «Сказка о тройке» – это не последовательно являющиеся схемы, собирающие в себе приметы века, а мозаика, собранная из разных элементов. В них для него раскрывается не только прошлое, но и разные варианты будущего.

Книги Стругацких сродни глотку свежего воздуха

Сергей Белецкий, археолог, д.истор.н., ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, профессор кафедры музееведения Санкт-Петербургского университета культуры и искусств (СПбГУКИ):

Первое произведение, подписанное «А. и Б. Стругацкие» я прочитал в далеком 1961 году. Это был рассказ «Благоустроенная планета» в альманахе «Мир приключений». Потом была повесть «Должен жить», опубликованная в «Мире приключений» за 1963 год. Но по-настоящему я открыл для себя братьев Стругацких только после того, как прочитал фрагмент «Улитки на склоне», опубликованный в сборнике «Эллинский секрет» (кажется, это был 1965 г.). Потом были «Понедельник начинается в субботу» и «Трудно быть богом» – конец 60-х.

Хорошо помню, как в начале 80-х гг. на одну ночь получил папку с фотографиями журнальных страниц «Сказки о Тройке» – фотографии были сделаны с уменьшением, так что пришлось читать с лупой. В середине 80-х точно так же друзья дали «на ночь» самиздатовскую версию «Гадких лебедей» – переплетенный в скоросшиватель том машинописи, пропущенной через копировальную машину «Эра» (пра-прабабушку «Ксерокса»). «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер», «Парень из преисподней», «Обитаемый остров», «Хищные вещи века», «Хромая судьба», «За миллиард лет до конца света» etc. – все это пришло позднее.

Книги Стругацких были в чем-то сродни глотку свежего воздуха в комнате, забитой вещами, пропахшими нафталином. Так что книги братьев Стругацких – это не только моя юность – они со мной на протяжении всей моей жизни. Ну, а любимую с детства «Сказку о Тройке» я сумел по настоящему оценить только после того, как сам поступил на службу в Академию Наук.

Стругацкие – источник неожиданных идей

Дмитрий Дьяконов, физик, д.физ.-мат.н., зам. директора Отделения теоретической физики Петербургского института ядерной физики РАН, зав. сектором теоретической физики высоких энергий:

Для меня Стругацкие, как и Лем, – источник неожиданных идей, пример того, как можно выловить кусок истины из хаоса вещей и событий. Фантастическая обстановка в их произведениях мне не только не мешает, а, скорее, помогает ухватить суть. Мне всегда более всего интересны новые идеи, а их у Стругацких – хоть отбавляй.

Ещё Стругацкие – это остроумие, во всех смыслах слова. Термины «одержание» (из «Улитки на склоне»), «кадавр, удовлетворённый желудочно» (из «Понедельника»), и много других вошли в мой лексикон, вместе с выражением «народу нужны здоровые сенсации» (из «Тройки»), например. Когда у меня полоса неудач, я вспоминаю «Миллиард лет до конца света»: значит, это Вселенная сопротивляется познанию, значит, я на верном пути... Шутка, но греет.

Страной должны управлять ученые

Александр Кобринский, филолог, д.филолог.н., профессор Российского государственного педагогического университета имени А.Герцена в Санкт-Петербурге:

Я познакомился с творчеством Стругацких еще в школе, но более или менее адекватно начал их воспринимать только в институте. Для меня они были и остаются любимейшими писателями. Их мир – добрый и наивный, во многом прямолинейный, но удивительно обаятельный притягивал, в нем хотелось жить, а наш мир – переделывать по его образцу. Я имею в виду, конечно, мир Полдня.

Задачу нарисовать идеальное общество ставили перед собой многие писатели – и в лучшем случае, получалась утопия. У Стругацких получился мир, который, при всей его схематичности, жил и казался вполне реальным. Пусть они обошли многие серьезные проблемы (так и неясно, например, есть ли в мире Полдня деньги, а если нет, то когда и как они были отменены), но зато они нарисовали жизнь, главной ценностью в которой является творчество – художественное, научное, практическое...

На меня в свое время большое впечатление произвела реализация Стругацкими еще античной идеи: страной должны управлять ученые. И вот, в XXII веке, в центре нарисованного им общества стоят научно-исследовательские институты, которые определяют не только развития науки, но само направление развития общества; они задают ему цели, ищут способы их решения. Придуманной Стругацкими Институт экспериментальной истории – это своеобразная реализация машины времени, только в ином измерении. Прогрессорская деятельность землян на других планетах – как она захватывала! И в то же время было уже тогда совершенно ясно, что при всех световых годах и парсеках, которыми отделена Земля в их произведениях от места действия, речь шла именно о Земле, причем о вполне определенной шестой части ее суши... Во времена, когда эзопов язык был доведен до совершенства, это прочитывалось на ура.

А гениальные предвидения Стругацких! Ведь «Хищные вещи века» с их пророчеством о «психоволновой» цивилизации – ведь это 1965 год! В СССР тогда даже о наркотиках еще никто не говорил!

И, наконец, уже позже, став филологом, я оценил блестящую сюжетную работу братьев. Именно поэтом до сих пор любимым моим произведением является повесть "Волны гасят ветер" – последняя из трилогии о Максиме.

Боюсь, что в нашем прагматическом и жестком мире мы с каждым годом отдаляемся от идеалов Стругацких. А значит, и мы сами становимся – более жесткими, хищными, расчетливыми....

Фантасмагория литературного мира Стругацких для меня была слишком реальной

Игорь Ефимов, профессор биомедицинской инженерии, клеточной биологии и физиологии, и радиологии в Вашингтонском Университете штата Миссури в Сент-Луисе:

Фантасмагория литературного мира Стругацких сейчас многим может показаться фантастической – но в моей жизни она была слишком реальной. Даже самые экстремальные типажи из книги «Понедельник начинается в субботу» – встречались на каждом шагу в институтах АН СССР эпохи застоя. Проблемы невозможности нормального диалога между цивилизациями, находящимися на разном уровне развития, и невозможности человечности и доброты в мире жестокой диктатуры, поднятые в «Трудно быть Богом», были далеко не фантастикой в мире моего детства и юности.

Становление учёного в последний период СССР требовало некоторой степени самоотречения от всегда идиотической и иногда страшной каждодневной реальности с её комсомольскими собраниями, первыми отделами, цинизмом коммунистической и комсомольской номенклатуры и цинковыми гробами из Афганистана с телами мальчиков моего поколения. Стругацкие, как никто другой, смогли описать всё это языком фантастики, сохранив глубочайший гуманизм и трепетное отношение к самому дорогому достоянию, которое человечество передаёт из поколения в поколение несмотря ни на что – технологическое знание и гуманитарную мысль.